

АСТРАХАНСКОЕ УЗИЛИЩЕ

Не по дому хозяина уважают, а дом по хозяину.

Цицерон

*Оценку своего труда жди от потомства,
беспристрастного и свободного от
недоброжелательства и зависти.*

Дю Белле

Уже Калмыцкая комиссия воспринималась Татищевым как ссылка. Назначение же астраханским губернатором он понял как заключение в «узилище». В письме к своему давнему доброжелателю Ивану Антоновичу Черкасову, получившему после длительной опалы вновь должность кабинет-секретаря и титул барона, Татищев жалуется, что он «без объявления вины в сие узилище определен». Удручающая картина разорения усиливала чувство отчаяния. «Люди разогнаны, доходы казенные ростеряны или разтосчены, правосудие и порядок едва когда слыханы, что за так великим удалением и не дивно», — отмечал Татищев. «Причина же сего есть главная, — пояснял он, — что неколико губернаторов суда (сюда) вместо ссылки употреблялись и, не имея смелости, или ничего, или бояся кого по нужде, неправильно делали. А может и то, что, не имея достаточного жалованья, принуждены искать прибитка, не взирая на законы. Особливо здешняя канцелярия более оттого беспорядочно, что секретарям и подьячим дел таких, от которых достаточный доход иметь можно, мало, а жалованья нет, то принуждены коварствами и беспорядками доставать». Купцам также обогащение «токмо от хищений казенных и разоренья бессильных».

Татищев не видит пользы для дела и в своем назначении, «ибо, — поясняет он, — мне, не имея надежды и смелости, более прежде бывших невозможно». О состоянии здешних дел Татищев немедленно уведомил и своего [287] давнего знакомого генерал-прокурора Сената Н.Ю. Трубецкого, также оказавшегося в фаворе у Елизаветы Петровны. И того и другого он просит о содействии в освобождении «из узилища». Но и тот и другой, видимо, были не в состоянии оказать Татищеву реальное содействие. Надо было работать. Да, как всегда, Татищева и увлекала работа. Поэтому наряду с «традиционными» просьбами содействовать об освобождении он все настойчивее просит о помощи в решении практических вопросов.

Татищев решительно отводит от себя возможное обвинение в том, что он не хочет служить. Но служба для него всегда измерялась пользой для государства. И в данном случае он скоро замечает, что «поправить можно, токмо надобно снабдение людьми и власть, без которого исправить не можно. А Камер-коллегия, не рассмотря обстоятельств, бранит и штрафами грозит». Татищев сожалеет, что не в состоянии ничего сделать, хотя имеет «ко исправлению смысл и желание». Предложения по упорядочению положения в пограничных районах Коллегия иностранных дел практически не рассматривала, обращаться же с этими вопросами в другие инстанции Татищеву запретили. Не в силах он справиться и со злоупотреблениями отдельных лиц, так как каждый из них «своих протекторов имеет», «а в Сенате, — подытоживает Татищев, — по моим представлениям злора безсовестная, или недосути ко внятному рассмотрению, не сходные резолюции, или молчание вижу».

Астраханская губерния включала Поволжье до Саратова и все пограничные территории на юге и юго-востоке. Но было здесь в 1708 году всего 1125 крестьянских и 6863 ясачных двора. Остальное население не находилось в ведении губернатора. За два десятилетия положение мало изменилось. Прибавилось лишь несколько беглых из центра.

Город Астрахань окружала каменная крепость. Кроме этого, имелось несколько каменных церквей, среди которых выделялся собор, построенный в стиле выдающегося зодчего конца XVII — начала XVIII века Якова Бухвостова. Губернский дом и прочие административные здания были деревянными. Исключительно плохо обстояло дело с благоустройством. Узкие улицы были непроходимыми в дождливую погоду и подавляли тяжелым смрадом в сухое время. Побывавший в Астрахани в 1733 году генерал-лейтенант князь Гессен-Гомбургский доносил [288] Анне: «Усмотрел от тамошняго тяжелого воздуха, за несмотрением чистоты, самый вредительный и язвительный смрад, от чего не могло б быть людям впредь вредительства, для чего потребно там учредить полицию». Только на такую «помощь» и можно было рассчитывать со стороны правительства Анны Ивановны. Астрахань оставалась окраиной, куда ссылали преступников разного ранга, включая и опальных чиновников. Как правило, правительство не боялось доверить опальным управление в стратегически важных для страны районах: очень часто опала и являлась следствием того, что тот или иной администратор из любви к отечеству с недостаточным почтением относился к правительству. А влиять на дела в столицах ссыльный уже не мог.

Под Астраханью имелись небольшие плантации, снабжавшие Москву и Петербург арбузами, дынями и виноградом. Но в целом в сельскохозяйственном отношении край был мало освоен. Значительно более заметное и важное для государства место занимала астраханская торговля. Большое значение имел и рыбный промысел. В одной Астрахани насчитывалось двадцать три ватаги. У некоторых купцов-ватажников числилось до 1500 наемных рабочих. Четырнадцать ватаг было в Черном Яру.

В XVIII веке ценные породы рыб — осетр, севрюга, белая рыба — водились еще и в Оке. Но на Оке их отлавливали в небольшом количестве. Основным поставщиком ценнейших рыбных продуктов центру оставалась Нижняя Волга. Поэтому расширение рыбных промыслов было важной хозяйственной задачей. Возникал в этой связи и ряд трудных проблем. Многие разорившиеся калмыки также переходили на рыбный промысел. Но русские власти относились к этому настороженно, поскольку постоянно происходили столкновения русских ватаг с калмыцкими, а также потому, что ознакомление последних с судоходством вело к росту калмыцких разбоев по волжскому побережью.

Татищев был сторонником приобщения калмыков к рыбному промыслу, поскольку это способствовало бы втягиванию их в хозяйственные отношения, характерные и для русского населения. Поэтому он поддержал настояния наместника выделить для калмыков специальные места рыбного промысла. Но количество калмыцких разбоев при этом действительно возросло. Постоянное недовольство вызывало это и у владельцев русских ватаг, [289] которые заваливали своими жалобами и губернию и Петербург. Рыбпромышленники доносили, в частности, что калмыки ловят «неуказными» сетями, вылавливая огромное количество мелочи, которую они в итоге все равно выбрасывают на берегу, нанося ущерб не только рыбному промыслу, но и всей прибрежной округе.

Жалобы рыбпромышленников в целом были обоснованными. Но Татищев не спешил принять их сторону. Он думал лишь ограничить размеры калмыцких судов, плавающих по Волге, дабы не допускать использования ими многовесельных, на которых обычно совершались разбойничьи нападения. Дондук-Даша же вставал на защиту грабителей, объясняя разбои «скудостью» калмыков. В расширении калмыцкого рыбного промысла он видел не желание освоить еще один вид хозяйственной деятельности, а возможность накопить денег для обзаведения лошадьми и скотом, дабы вернуться к кочевническому образу жизни. По мнению же Татищева, такую задачу решить было проще всего. Достаточно отпустить всех неимущих калмыков в русские ватаги, и за один-два года они смогли бы на заработанные деньги

приобрести необходимый скот. Мешали этому калмыцкие владельцы. Они отбирали у наемных калмыков заработанные ими деньги.

В конечном счете этот трудный вопрос так и не был решен. Его опять-таки невозможно было решить при общей непродуманной политике правительства во всех вопросах, касавшихся устройства Астраханского края, при курсе на безусловную поддержку владельцев-феодалов во всех их действиях против социальных низов собственного народа.

Примерно таким же было положение и в важнейшем для астраханского управления вопросе: охране русского порубежья на юго-востоке и Северном Кавказе. В 1735 году в Иране пришел к власти знаменитый Надир-шах. Воинственный, энергичный и коварный восточный деспот надолго нарушил обычный ход событий на Среднем Востоке. В русском правительстве и у местной администрации не было ни единогодушия, ни ясности в том, как могут развиваться отношения с шахиншахом. Резидент и консулы в прикаспийских городах давали противоречивые и путаные сведения то о намерениях шаха идти войной на Россию, то о развале шахской армии от мора и внутренних неурядиц. Между русскими и персидскими подданными происходили постоянные стычки по всему каспийскому [290] побережью. Надир-шах буквально утопал в крови своих подданных, не останавливался перед уничтожением и ближайших родственников. Собственный сын против него устроил заговор, за что был ослеплен. Любому придворному путь от фавора до плахи был краток, как никогда. Тем не менее у шахиншаха оставалось достаточно и материальных и людских ресурсов для большой войны. Из одного похода в Индию он вывел полторы тысячи верблюдов, навьюченных драгоценностями.

От кровавых погромов Надир-шаха особенно страдали народы Средней Азии и Кавказа. В Астрахань непрерывным потоком шли посольства от разных народностей с просьбой принять их в русское подданство. Многократно с такой просьбой обращались туркмены, которые в 1741 году во время нашествия иранских войск на Хиву и Бухару откочевали к границам России в количестве трехсот тысяч кибиток (более миллиона человек). О подданстве России просили дагестанские князья. Помощи от нее ожидали Грузия и Армения. Правительство, однако, не спешило удовлетворить эти просьбы. Они были обычно односторонние: просители не могли ничего предложить взамен, а по устранению опасности они, напротив, могли доставить лишь новые неприятности русской администрации и русскому населению. Те же туркмены, не дождавшись ответа из Петербурга и удовлетворившись партией хлеба, полученной от России, ушли снова в Среднюю Азию. У русских границ осталась небольшая их часть, причем самая беднейшая, не имевшая ни скота, ни имущества. Осторожно относились русские власти и к просьбам народов Кавказа, опасаясь вызвать осложнение отношений с Ираном.

Воевать с Ираном Россия практически не могла. И об этом постоянно доносил в Петербург Татищев. Когда-то на Каспии был неплохой русский флот. В 1725 году здесь насчитывалось 177 судов и более тысячи матросов и корабельных рабочих. На содержание астраханского порта отпускалось свыше ста тысяч рублей. После утери полученных в 1723 году прикаспийских областей правительство не видело смысла в содержании каспийского флота. Оставлено было лишь три небольших корабля для отправки почтовой корреспонденции и два корабля для «сыску воров». Остальные суда продавались или раздавались купцам.

Вторжение Надир-шаха на Кавказ заставило правительство вернуться к вопросу об усилении каспийского [291] флота. Потребность в этом возросла вследствие того, что на персидскую службу перебежал англичанин Эльтон, некогда оказывавший Татищеву содействие в строительстве пограничных укреплений в Оренбургском крае.

Еще в 1734 году по настоянию Бирона, получившего от англичан взятку в размере ста тысяч рублей, был заключен англо-русский договор сроком на пятнадцать

лет. По этому договору английские купцы получили право беспошлинной торговли персидскими шелками через территорию России. Даже Коммерц-коллегия, примирившаяся с этим договором, отмечала, что он принесет большой ущерб русским купцам. Нерешительное же новое правительство не осмеливалось внести в него какие-либо поправки, оправдывая бездействие необходимостью упрочения позиций в Прибалтике. Между тем действия Эльтона вполне позволяли пересмотреть вопрос коренным образом, поскольку англичанин пообещал шаху построить ряд кораблей. Если ранее русский флот господствовал здесь безраздельно и наличие его главным образом и удерживало шаха от активных действий против России, то теперь положение могло резко измениться.

23 ноября 1742 года Татищев получил указ взять на себя «адмиралтейство». Но в «адмиралтейство» он мог набрать лишь пять гекботов и столько же шмаков, для вооружения которых было отыскано четырнадцать пушек четырех- и шестифунтового калибра. Три гекбота по заказу Татищева должны были построить в Казани. На них предполагалось разместить двадцать четыре пушки двадцатичетырехфунтового калибра. Больше средств на корабельное строительство и содержание флота у него не было.

Не лучше обстояло дело и с крепостными сооружениями. Татищев строил на Волге выше Астрахани крепость Енотаевск, которая должна была служить убежищем калмыкам и русским гарнизонам. Но на большее опять-таки не хватало средств. Просьбы прислать пушки с уральских заводов остались без рассмотрения.

А с русского порубежья доносились тревожные вести. Тараканов, посланный в Кизляр с отрядом в три тысячи человек, настоятельно просит Татищева о помощи. Братищев, исполняющий там же обязанности толмача, засыпает письмами о скором вторжении Надир-шаха в российские пределы. 27 декабря Татищев созвал военный совет, на который пригласил генерал-майора Владимира Долгорукого, бригадира и вице-губернатора Михаила [292] Бяратинского и советника губернской канцелярии Юрия Хризоскулова. Предстояло обсудить вести, исходившие от Тараканова и Братищева.

Татищев был решительным противником военного столкновения с Персией. Он отметил, что войска и малочисленны, и должным образом не вооружены, и не обучены. Письма Братищева он взял под сомнение. «Я нахожу, — заметил Татищев, — его письма всегда сумнительными: потому что, всегда переменяя, или обнадеживает, или великие страхи предписывает, но не всегда, как мнится, со основанием и добрым порядком, наиболее странным многоречием и бранью персиян неприличною наполняет; почему можно разуметь, что он человек молодой, в делах таких необыклов, следственно и сообщения его не весьма вероятны».

Вывод, сделанный Татищевым, свидетельствовал о его большом политическом опыте. Он решительно отверг возможность нападения персов в зимнее время. Речь могла идти, полагал он, лишь о выступлении не ранее марта. Зимой персидское войско не смогло бы даже добраться до астраханских пределов, не имея ни фуража, ни зимней одежды. Передислокацию же русского войска на Северный Кавказ в зимнее время, в условиях бескормицы, Татищев также считал губительной. Он понял, откуда у Братищева могут быть преувеличенные сведения: «Шах всенародно ненавидим, и... многие желают под властью российскою быть; ...такие для возмущения легко могут, ведомости вымышляя назло шаху, к Братищеву приносить, а Братищев весьма неразумно в письмах генерал-поручику и мне объявляет». Татищев предложил отложить решение до февраля, когда замыслы персидского шаха прояснятся. Большие надежды он при этом возлагал на то, что Надир-шаху достанется на Кавказе несладко.

Созванный Татищевым совет поддержал его предложение, а события затем показали и его полную правоту. У шаха действительно не было намерения вторгаться в русские пределы, и он не решился бы на такой шаг, имея весьма непрочный, сочувствующий России тыл. Он опасался также, что война с Россией может побудить

Турцию напасть на иранские владения в Азии. И уже в январе 1743 года шах покинул Кавказ для участия в осаде принадлежавшего Турции Багдада. Непосредственная угроза вторжения персов отпала. Но оставалась угроза, создававшаяся проперсидской деятельностью Эльтона. [293]

Татищев передал в Петербург сведения об этой деятельности. Там сделали представление английскому посланнику, настаивая на аресте Эльтона. Англичане, конечно, тянули с решением. Они добились разрешения на посылку ревизора, каковым и явился Ганвей.

Ганвей побывал у Татищева и оставил описание своих встреч. Он отметил, в частности, что Татищев ранее был «пажом» при Петре I. Очевидно, имелось в виду пребывание мальчика Василия при дворе Прасковьи Федоровны. Татищев сообщил Ганвею также о своем подарке «знатнейшей в империи женщине» — бриллианте стоимостью в двенадцать тысяч рублей, купленным Татищевым за пять тысяч.

«Знатнейшей в империи женщиной» была сама Елизавета Петровна, видимо, главный недоброжелатель Татищева в Петербурге. Он не назвал имя «женщины», очевидно, опасаясь неблагоприятных для себя разговоров, особенно в столице. Красноватый алмаз весом в десять с половиной карат был приобретен Татищевым у армянского купца в октябре 1743 года. Тогда же английский купец Томсон оценил его в десять тысяч рублей. Татищев сообщил о приобретении Алексею Григорьевичу Разумовскому и вскоре переслал камень для императрицы. Деньги на покупку он позаимствовал в казне ж просил в случае, если императрице подарок не приглянется, вернуть его в Астрахань. Через несколько месяцев Татищеву сообщили, что подарок «во угодность принят». Но такая мелочь, как источник заплаченных за алмаз денег, императрицу не интересовала.

Ганвей отметил у Татищева особое пристрастие к наукам и торговле. Татищев сообщил ему о своих занятиях историей. Ганвею поразила внешность Татищева: «Этот старик был замечателен своей сократической наружностью, изможденный телом, которое он старался поддерживать долголетним воздержанием, и наконец неутомимостью и разнообразием своих занятий. Если он не писал, не читал или не говорил о делах, то перебрасывал жетоны из руки в руку».

У Ганвея осталось впечатление безусловной дружелюбности и доброжелательности Татищева в отношении деятельности английской торговой компании. Татищев «поддержал» Ганвея в критике главных соперников англичан на Каспии — армянских купцов. Ганвей приписывает Татищеву слова, что «если б им, например, удалось [294] получить 15 процентов позволительным образом, то они не были бы так рады, как если б получили пять процентов посредством обмана». Ганвею, видимо, не было известно, что именно Татищев разрешил поселения в Астрахани армянских купцов, за что неоднократно получал нарекания из Петербурга. Все же расположение и дружелюбие Татищева в конечном счете сводилось к опасению, что действия Эльтона могут сказаться самым неблагоприятным образом на английской торговле в России и на Каспии.

Едва отъехав из Астрахани, Ганвей обратился к Татищеву с письмами, в которых выгораживал действия Эльтона или же отрицал очевидные факты. Татищев сообщил об этом в Петербург. Там соглашались с тем, что «Ганвей такой же интриган, как и Эльтон». Однако Татищеву советовали противодействовать представителям английской компании тайно, «под приличными предложениями».

Обращался время от времени к Татищеву и Эльтон. Он жаловался на русских служащих, в частности, на Братищева и консулов прикаспийских городов — сначала Арапова, а затем Бакунина, — а также пытался снять обвинения в свой адрес. Василий Никитич посылал Эльтону подарки и приглашал его в Астрахань. Но тот от такого визита уклонялся. Он по-своему пытался «успокоить» Татищева: персидский флот якобы не может угрожать России, а может лишь служить препятствием для завоевательных

планов русского правительства. В этом районе же выгоднее торговать, чем завоевывать территории.

Ганвей продолжал защищать Эльтона, и Татищев настаивал, чтобы коллегия приняла более жесткие меры. Русский посланник сделал представление в Лондоне. В Петербурге стали создавать препятствия для движения товаров и лиц в адрес Эльтона. Но Коммерц-коллегия не поддержала внешнеполитическое ведомство и разрешила осуществлять эти операции, лишь заменив адресата: вместо Эльтона указывать Ганвея. Только обращение Коллегии иностранных дел в Кабинет министров и к императрице позволило добиться поддержки жесткой линии. Татищеву дали инструкцию при удобном случае захватить Эльтона.

Ганвей в конце 1744 года снова направляется к Татищеву, надеясь выправить положение. У него сложилось впечатление, что Татищев получил из Петербурга [295] нагоняй и потому изменил отношение к английской компании. Ганвей, видимо, рассчитывал, что Татищева можно подкупить, и он не скрывает своего разочарования. «Я явился к нему не с пустыми руками, — сетует он, — и, несмотря на то, в своих выражениях он едва переступил за границы самой общей вежливости». Татищев расценил деятельность Ганвея и Эльтона как враждебную России и не принял уверений Ганвея, будто к делам Эльтона он не имеет отношения. Но при этом «он с необыкновенной ловкостью умел обойти всякое резкое выражение в этом смысле». В Петербург же Татищев представил донесение, в котором был четко изложен смысл оправданий Ганвея.

Василий Никитич, однако, решительно возражал против «азиатских» способов противодействия английской компании, предложенных Петербургом и на практике осуществлявшихся некоторыми чиновниками. Английские купцы жаловались, в частности, на Бакунина, стремившегося скрытно и по мелочам вредить им. Примерно такого же порядка действий правительство ожидало и от Татищева. Но он решительно отвергал методы, которые могли бы принести лишь бесславию России.

Много неприятностей доставляла Татищеву необходимость разбираться во внутренней сваре русских чиновников. Так, Братищев и Бакунин вели между собой настоящую войну, обвиняя друг друга в ненасытном взяточничестве. Пришлось посылать третейского судью для разбора дела. В решении таких вопросов Татищев был особенно щепетилен и точен, проводя на практике различие между «мздоимством» и «лихоимством», тем более что ему по-прежнему приходилось отбиваться от обвинений в «любостыжании».

Должно иметь в виду, что большая часть администрации в первые годы правления Елизаветы Петровны снова была посажена на «подножный корм». Татищев жалуется Черкасову на ущемление его чести через ущемление жалованья. Он напоминает Черкасову, что при Петре I в качестве берг-советника он получал оклад — шестьсот рублей в год. Полный оклад получал он и в Оренбургской комиссии. Полное жалованье ему было определено и при отправлении в Калмыцкую комиссию, хотя по настоянию Головкина за 1741 год ему было выплачено лишь половинное (против соответствующих армейских чинов) жалованье. С 1742 года он не стал [296] получать его вовсе. «И нужда моя к тому влечет, — заключает Татищев, — что, не имея жалованья, ни от деревень дохода достаточного, надобно от денег своих прибыль искать».

Справедливой Татищев считал оплату судебного разбирательства, но с непременным условием, чтобы таковая совершалась после суда, а не до вынесения окончательного решения. В свете этого принципа он оценивал и свои действия, и поведение подчиненных. Главным же источником его доходов являлась чисто коммерческая деятельность, которая в Астрахани приняла довольно широкий размах. Так, он купил на четыре тысячи рублей персидских денег, из которых наделал серебряной посуды. В письме Черкасову он сообщает, что можно было бы с выгодой покупать (и затем, очевидно, перепродавать) алмазы. Но он не мог делать

это в достаточных размерах из-за отсутствия свободных капиталов. Можно, наконец, не сомневаться в том, что все наличные средства у Татищева всегда находились в обороте. Он неизменно следовал капиталистическому принципу: деньги постоянно должны находиться в движении.

Из-за крайней бедности в людях в Астраханском крае трудно было создать какое-либо новое производство. Тем не менее благодаря стараниям Татищева здесь было налажено производство шелка, а также предпринимались попытки к разведению хлопка. С целью расширения ремесел и торговли Татищев отовсюду приглашал в Астрахань торговых людей. Из-за подозрительности русской администрации осуществлять это было нелегко. Дело в том, что обычно через купцов вел разведку в странах, подлежащих нападению, Надир-шах. Это было известно в России. Поэтому консул Бакунин предложил даже проверять переписку персидских и армянских купцов. Татищев же решительно возражал против такой меры. «Сие он, господин консул, — пояснил Татищев, — требует весьма неприличного дела. Ибо купцы пишут к своим корреспондентам о таких секретных подробностях, что ежели о том другой узнает, то может им в капитале их причиниться немалая трата или и купечеству их повреждение. И если их к тому принуждать, то, конечно, торг может не только не размножаться, но и пресечься. Опасаться же шпионства их никакой важной причины мы не имеем»

«Утеснения» купечеству были в обычае феодальной [297] администрации. И Татищев постоянно ходатайствует перед Петербургом об отмене тех или иных ограничений. Так, он, в сущности, добился восстановления в Астрахани армянской общины, которая была уничтожена в первой четверти XVIII века. В Петербурге его поступок вызвал беспокойство и подозрительность. И в письме к Черкасову он оправдывает свои действия тем, что «знатных капиталистов в подданство российское призвал и фабрики знатно через них умножил». Татищев выражал обоснованную тревогу, как бы из-за притеснения администрации призванные им «капиталисты» «паки не разъехались». Обращаясь к истории, он приводит пример с Хазарским каганатом, могущество которого строилось лишь на торговле. «Многолюдство и богатство» — главные показатели государственной мощи, «а богатству, — полагал Татищев, — корень купечество и рукоделие».

Между тем все явственней становилось опальное положение Татищева. Труд его не замечался и не оплачивался. В 1743 году он жалуется Черкасову, что генерал-майоры Бакар и Долгорукий без него «делать ничего не могут», но они получают полное жалованье и награды, он же не может добиться простого увольнения от дел. В 1744 году он снова сетует: «за огромный (и, добавим, весьма плодотворный) труд не токмо награждения не вижу, но и надежды не имею, паче же от злодеев горестное оклеветание и поношение терплю, и мой труд другим приписав, награждение и милость у ее величества исходатайствовали — мне же и жалованья дать не хотят». Паразитировавший на деятельности Татищева Долгорукий не только получал чины и награды, но и оскорблял Василия Никитича напоминанием о том, что следствие над ним не закончено, что с ним еще посчитаются.

Татищев, по-видимому, никак не мог примириться с мыслью, что и новому правительству соображения «общей пользы» служат лишь прикрытием далеко не бескорыстных интересов. В 1743 году Сенат разослал «Росписание высоких и нижних государственных и земских правительств» — проект нового административного устройства. Татищев отозвался на него «Напомнением», которое вместе с запиской о событиях 1730 года направил в Сенат Н.Ю. Трубецкому. В записке содержится критика существующего территориального деления. Ошибки были допущены как из-за отсутствия карт и спешности выделения губерний, так и из-за корыстных побуждений [298] отдельных губернаторов и секретарей, которым было поручено дело. Так, Меншиков Ярославль и Тверь приписал к Петербургской губернии, а Гагарин —

Вятку и Пермь к Сибири. Секретари же «по щедрым просьбам» разные города «из одной провинции в другую переписывали».

Напоминает Татищев и о своей теории происхождения власти и государственности, а также о трех формах правления и смешанных, равно целесообразных в разных условиях, «взирая на состояние народа», не уточняя, что именно целесообразно для России.

В специальном разделе говорится «О порядках и законах к приобретению пользы и отвращению зла». Татищев повторяет некоторые положения, высказанные им в «Разговоре», в частности, о полезности веротерпимости (за исключением иудаизма и «афеистов учения»). Важной задачей правительства Татищев по-прежнему считает организацию «научения от младенчества разуму», поскольку через учение происходит «главная государству польза». Он указывает на пример «европейских областей», где «как монархии, так и республики ревностно прилежат и великих на то иждивений полагать не жалеют». Снова дается экскурс в историю, напоминает об указании Петра устроить училища по епархиям. Но дело это заглохло и теперь не блещет, хотя императрица «ревностною отеческою возбуждаема, великими щедротами основанные академии, училища снабдевать изволят, через что в совершенное цветущее состояние придти могли, и может приведется».

Вновь Татищев настаивает на большем значении судоустройства, нежели военной мощи. «Если вражды умножатся, — говорит он, — междуусобие родится, и весь народ легко в смятение придти может, тогда ни великие богатства, ни сила войска крайнему разорению воспрепятствовать не могут». Очевидно, за упорядочением судопроизводства Татищев видит справедливое с точки зрения государственных потребностей разрешение социальных противоречий. Соответственно нужны и люди, которым противостоящие стороны могли бы доверять. Для государства важнее всего иметь достойных судей. А достоинство, подчеркивает Татищев, «состоит не в чести природной, или заслугами приобретенном в чине, но в природном уме, благонравии и через науку приобретенной мудрости». Истина, следовательно, отнюдь не сопутствует господствующему классу: она за пределами [299] сословного деления. Мудрость же приобретает лишь учением.

Выведение главной с точки зрения Татищева должности за пределы сословных перегородок — факт в высшей мере примечательный. Он показывает, как далеко готов был идти Татищев навстречу желаниям низших сословий во имя государственной пользы. Можно сказать также, что именно в этом направлении работала его мысль. Реальная жизнь давала прямо противоположные примеры. «Хотя бы смотря на природный ум и благонравие в судьи выбирали, — сетует Татищев. — Кто не может ужасаться или с горечью удивляться, когда видит, из войска за пьянство, воровство или иное непотребство и за леность изгнанного, судиею немалого предела? Кто должен в таких непотребствах ответ перед богом дать, кроме определяющих неосмотрительно?» Иными словами, виноваты в этом беспорядке сами верхи, которые и назначают судей из числа отчисленных из армии по старой традиции как бы на «кормление».

Те же силы мешают и приведению в порядок законодательства, отделению судопроизводства от правосудия и т. п. Петр неоднократно напоминал Сенату о необходимости составления нового Уложения. Но тем, кто «обыкли с большею их пользою в мутной воде рыбу ловить, было неприятно». Комиссия вроде бы и была создана, да лишь для пустых разговоров. К тому же «ни единого не токмо в законах, но ни в грамматике ученаго определено не было». Поэтому «оное близь тридцати лет без всякого плода и надежды тянется, хотя бы оное искусным в год, а конечно не более двух, сочинить возможно». Татищев видит, что виновны в таком положении лица, стоящие на самом верху. Но он никак не может примириться с тем, что наверх их заносит сама существующая система.

В разделе «О мудрости экономии» Татищев оговаривается, что писать об этом надо много. Пока же он напоминает о самом необходимом: «1) умножение народа, 2)

довольство всех подданных, 3) побуждение и способы к трудолюбию, ремеслам, промыслам, торгам и земским работам, 4) умножение всяких плодов от животных и рощений (то есть растений); 5) научение страху божию и благодетельности, 6) умеренное употребление имения». Таким путем каждый в отдельности и государство в целом «обогащается, усиливается и славу приобретает».

В последнем разделе говорится о необходимости [300] строгой субординации чинов и должностей, с соответствующей каждому званию «честью». «Ежели кто на чести оскорблен бывает, — полагал Татищев, — то, конечно, или в верности, или в прилежности ослабевает, а из того великий вред происходит». Особенно возмущается Татищев тем, что мелкий чиновник центрального аппарата указывает «генералу или губернатору, правящему целое царство, да еще с неучтивыми угрозами и досадительными включениями». Татищев думает, что все это происходит лишь потому, что нет четкого описания гражданских чинов и их субординации. Между тем иначе я не могло быть, когда «персоны управляют закон», а не «законы управляют персонами».

Исходя из принципа, что «честь и преимущество» должны соответствовать «поверенности и власти», Татищев предупреждает и о том, что при проведении его в жизнь надо соблюдать «умеренность и осторожность», дабы «некоторые в отдалении получа надмерную власть, великий вред или совершенное падение государств» не причинили. У нас это, добавляет Татищев, «учинить и в безопасности всегда быть удобно». Но как и перед кем должно отвечать «высшее правительство»? Каким образом лишит традиционных «удобств» титулованных и нетитулованных административных хищников? На это у Татищева ответа не находится. И неудивительно: на него нельзя было дать ответ в рамках существующего строя.

Если учесть, что вместе с «Напомнением» Татищев прислал в Сенат и свою записку о событиях 1730 года, то можно представить, насколько глубоко должно было быть раздражение и возмущение многих сенаторов. Татищев косвенно и прямо напоминал об их поведении в смутные месяцы января — февраля 1730 года. Он напоминал им о «должности» правителей, каковой они исполнять не собирались. И в деятельности, и в записках Татищева они увидели прямой вызов себе. Очевидно, соответственным образом дело было доложено и императрице.

Направить царский гнев против Татищева было совсем нетрудно. Елизавета Петровна могла, например, прийти в суеверный ужас от сообщения, что Фридрих II — этот «Надир-шах прусский» — не ходит в церковь. А что же говорить про Татищева, который и не скрывал антипатии к духовенству? Снова поползли слухи о «любостяжании» астраханского губернатора. Черкасов предупредил об этом Татищева. И тот, очевидно, имел [301] основание заверить Черкасова, что никто его «копейкой не обличит». Сенат, не имея ничего против последних лет работы Татищева, возбудил старое дело все с тем же Бардекевичем (которого Татищев якобы оклеветал) и все с теми же 4616 рублями иска, из которых 1441 рубль шел на возмещение содержания Следственной комиссии и 2645 рублей за постройку казенного дома в Самаре, который все это время использовался как казенное учреждение и перестраивался за казенный же счет. Не более обоснованными были и другие финансовые начеты. Главное же заключалось в иных пунктах обвинения: так называемых «упущениях» по службе. Несколько пунктов этих «упущений» отмечали его сознательную позицию во время башкирского мятежа: стремление не допустить бездумных разорений и казней. Другие обвинения касались его попыток поправить прожекты и просчеты, связанные с продвижением к Средней Азии.

В апреле 1745 года сенатская комиссия обвинила Татищева по этому делу. Надуманность обвинений была настолько очевидна, что обер-прокурор Брылкин опротестовал заключение. Не был с ним согласен и генерал-прокурор Н. Ю. Трубецкой. Но как раз в это время их отношения с Татищевым испортились. Трубецкой возглавил новую комиссию, которая в августе утвердила это решение.

Никита Юрьевич Трубецкой был личностью весьма противоречивой. Родственные связи выводили его на самый верх. Его сестра — жена С.А. Салтыкова — была близка самой Анне Ивановне. Первой женой его была дочь Головкина, второй — вдова М.А. Хераскова, перешедшего в Россию вместе с Д. Кантемиром. Может быть, отсюда его неизменное покровительство А. Кантемиру и, естественно, Хераскову. Трубецкой любил «ученые» компании, готов был покровительствовать просвещению и в какой-то мере свободомыслию. В то же время за ним следовала репутация человека сомнительного. О нем говорили, что он «лежал на ухе» у Бирона, то есть шпионил. Многие, видимо, догадывались и о его масонских связях. Черкасов настаивал на том, чтобы Татищев прекратил переписку с Трубецким, поскольку общение с ним роняло Татищева в глазах некоторых вельмож. Татищев, плохо осведомленный о петербургских придворных склоках, подчинился этому требованию. К тому же он столкнулся с Трубецким по вопросу о рыбных промыслах [302] Астрахани. Вопреки предостережениям Татищева Трубецкой содействовал в передаче их на откуп московским купцам, чем наносился серьезный ущерб экономике Астрахани и вызывалось недовольство населения.

7 августа 1745 года Сенат предложил императрице освободить Татищева от занимаемых должностей, «видя его невоздержание и опасаясь, чтоб и потом не последовало какого-либо ущерба и упущения»; 4616 рублей с него немедленно взыскали. «Изустным указом» императрицы Татищеву предписывалось «жить в своих деревнях до указа, а в Петербург не ездить». Даже и удаленного от дел Татищева правительство боялось. И конечно, не из-за его мнимого «невоздержания».

Причины травли Татищева коснулся Ганвей: «Зависть к способностям Татищева между учеными» и «месть ханжей за его неверие», которое, по мнению Ганвея, «было велико». О том же писал находившийся на русской службе Иоган Лерх, «доктор и коллежский советник», проезжавший через Астрахань в 1745 году по пути в Персию. Лерх называет Татищева «известным ученым», «который незадолго перед тем устроил Оренбургскую губернию». «Он говорил по-немецки, имел большую библиотеку из лучших книг и был сведущ в философии, математике и особенно истории. Относительно религии он держался особых убеждений, за которые многие не считали его православным. Он был болезнен и худощав, но в делах очень сведущ и решителен, умел каждому подать добрый совет и помощь, особенно купцам, которых привел в цветущее состояние».

Научная деятельность Татищева продолжалась и в Астрахани. Он неустанно напоминает о необходимости проведения межевания и составления ландкарт, продолжает работать над «Разговором» и «Историей», готов теперь писать историю царствования Петра, поскольку «многие пресекались, или под защитою е.и.в. будут безопасны». Татищев полагал, что императрица таким трудом могла бы воздвигнуть родителю более величественный памятник, «нежели великим иждивением древле в Египте и Риме музолеями». Но подследственному вольнодумцу, очевидно, опасались поручить столь ответственное дело, как поучение живущих прославлением умерших.

В 1742 году Татищев написал «Краткие экономические до деревни следующие записки». Поводом для их написания могло явиться получение деревни под Симбирском [303] сыном Евграфом. Рассчитывал же Татищев, конечно, на более широкого читателя, как для широкого круга предназначались и все другие его записки. Именно в этом размышлении сказывается переключка с некоторыми проектами Маслова, которых он видеть, очевидно, не мог. И если к сходным выводам два автора не пришли совершенно независимо друг от друга, то остается предполагать, что им доводилось обсуждать эти вопросы в Москве или в Петербурге в зиму 1734 года.

«Записки» адресованы владельцам крепостных крестьян. Здесь нет размышлений о достоинствах или недостатках крепостного труда, что встречается в некоторых других работах Татищева. Он исходит из существующего положения, и задача заключается в способах подъема благосостояния как помещиков, так и крестьян. Обращается Татищев

именно к помещикам, и советы его следует оценивать в сопоставлении с реальной хозяйственной деятельностью помещиков этого времени.

Первое, что можно отметить как нечто безусловно существенное, — это отрицательное отношение Татищева к барщине, которая в XVIII веке как раз и приняла наибольший размах. Барщину он допускал только в том случае, если помещик сам наблюдал за хозяйством. В случае же, если управление деревнями осуществлялось через старост и приказчиков, Татищев считал барщину недопустимой: необходимо было отпускать крестьян на оброк.

В XVIII веке помещичьи владения обычно были раскиданы по разным уездам и губерниям. При таком положении барщина допускалась лишь в той деревне, где непосредственно жил помещик. Остальные должны были находиться на оброке. Какое это имело значение в социальном плане, можно судить по известным строкам Пушкина: «Ярем он барщины старинной оброком легким заменил, и раб судьбу благословил».

Для Татищева требование перевода крестьян на оброк имело и иное значение. Он был последовательным сторонником перевода отношений в товарно-денежную сферу. Оброк не просто оставлял больше возможностей для развития крестьянской самостоятельности. Он подталкивал замену натурального хозяйства предпринимательско-денежным.

Нередко обращают внимание на жесткие требования Татищева к распорядку жизни крестьян. Это верно. Но жесткими требованиями Татищев отличался во всем [304] и ко всем. Детальную регламентацию можно наблюдать и в наказе шихтмейстеру, и в инструкциях учителям, и в других его наставлениях подчиненным. Безделья Татищев не терпел, к кому бы это ни относилось. Поэтому неверным было бы видеть в тех или иных советах Татищева жадность эксплуататора. Смысл здесь в другом. Татищев выискивает как бы наиболее целесообразные нормы для всех заинтересованных сторон, имея непосредственным адресатом помещика.

В Записках Татищева много полезных советов, заимствованных не только из личного опыта (сравнительно небольшого), но и из литературы, прежде всего иностранной. Некоторые из них и ныне не потеряли значения. Так, Татищев советует для экономии труда сеять весной сразу яровые и озимую рожь, причем после уборки яровых рожь остается на засеянном участке до будущего года. Даются также советы по утилизации конского навоза (он пригоден в качестве вторичного корма; этим вопросом занимаются и в настоящее время). Вместо обычной в то время трехпольной системы Татищев предлагает вводить четырехполье, причем четвертое поле у него — полевой выгон для скота. Таким образом сберегается от вытаптывания луг и обеспечивается естественное удобрение полевого участка.

Девиз Татищева — стремиться к тому, чтобы «ничто, произращенное от бога, данное нам в пищу, втуне по нашей лености пропасть не могло». Поэтому он обязывает приказчиков и старост неустанно наблюдать за заготовкой солений, варений и т. п., дает длинный перечень культур, подлежащих заготовке. И если окажется, что «в чем потребно надобности в доме состоять не будет, то все оное можно будет продать, а хотя и крестьянам отдать весьма полезно».

В социальном плане интересно установление Татищевым норм соотношения барской и крестьянской запашки. Известные мыслители петровского времени И.Т. Посошков и А.П. Волынский считали, что крестьянский надел должен составлять две десятины в поле, то есть шесть десятин. (Десятину тогда считали восемьдесят на сорок сажень, то есть около полутора гектаров.) Татищев определял норму в три десятины в поле. В районах же малоземельных допускался надел в одну десятину, но при условии, что крестьянам принадлежало бы не менее половины всего земельного фонда. В противном [305] случае помещик должен был вообще отказываться от барской запашки и отпускать крестьян на оброк, дабы они могли

прокормиться за счет ремесел и отходов. В реальной же практике XVIII века даже в дворцовых подмосковных селах надел был не выше десятины в поле.

По расчетам Татищева, одно тягло, состоявшее из мужа и жены (с неженатыми детьми), должно было обрабатывать не более десятины в поле помещичьей земли, а также выполнять соответствующий объем других работ. Таким образом, рабочее время распределялось из расчета: четвертая часть помещику, три четверти — крестьянину. Барщина при таком раскладе не должна была превышать двух дней в неделю в страдную пору. На практике она была в XVIII веке значительно выше, а официально рекомендованная в конце столетия трехдневная барщина воспринималась как известное ее ограничение.

Урожайность полей, особенно в нечерноземной зоне, зависела непосредственным образом от количества скота и, следовательно, возможности унавоживания почвы. Разрушение этого баланса — наиболее явный показатель кризиса сельского хозяйства, неотвратимо ведущего к обнищанию основной массы крестьян. По подсчетам специалистов, унавоживание одной десятины пара требовало шести голов крупного рогатого скота или соответствующего количества мелких домашних животных (из расчёта десять овец за голову крупного рогатого скота). Практически для нужных норм скота повсеместно недоставало. В дворцовом селе Коломенском навозом обеспечивалась лишь пятнадцатая часть посевной площади. Близкая картина наблюдалась и в других хозяйствах центрального района. Обычно крестьянский двор насчитывал одну-две головы крупного скота, таких же, кто имел больше двух голов, было меньше, чем вообще не имевших скота.

Татищев исходил из того, что скота помещику надо «иметь столько, чтоб всю землю в одном поле унавозить было можно; а именно, считая на каждое тягло крестьянина в барском доме иметь лошадь одну, коров две, овец пять, кладеный бык один, свинья одна» и т. д. На барском дворе скот должен быть племенной. Из этого скота помещику следовало ссужать обедневших крестьян для заведения собственного хозяйства. Что касается крестьян, то здесь минимум на каждое тягло (соответственно [306] земельному наделу) выше. Помещик должен следить, чтобы у каждого крестьянина было «лошадей работных 2, быков кладеных 2, коров 5, овец 10, свиней 2», а также гуси и куры. «А кто пожелает иметь больше — дозволяется, а меньше вышеописанного положения отнюдь не иметь». Общее количество в переводе на крупный скот составляет те самые одиннадцать-двенадцать единиц, которые были необходимы для унавоживания двух или трех (в зависимости от почв) десятин пара. Для увеличения количества навоза Татищев советует также возить листья из лесу.

Маслов в свое время предлагал провести специальное «учреждение», которое обязывало бы помещиков заботиться о крестьянском хозяйстве. Он, правда, и сам понимал, что это «многим будет не без противности». А на проекте появилась высочайшая резолюция: «обождать». С этой резолюцией он и пролежал почти полтора столетия. Татищев идет с другой стороны: он обращается к помещикам, которым такие пожелания, конечно, «не без противности». Но записки будут читать, и кое-кому придется вести нелегкий разговор с собственной совестью.

К сожалению, неизвестно, в какой мере Татищеву удалось самому проводить свои наставления. Очевидно, он мог предписывать сыну лишь то, что им было проверено. Но он редко бывал в своих имениях. Хозяйствование же супруги в 20-е годы, доведшее крестьян до разорения, для него оставалось примером того, чего нельзя делать.

Оброк с крестьян Татищев предусматривал либо натурой, либо деньгами в размере одного рубля в год. Подушная подать в это время достигала семидесяти копеек в год, то есть два-три рубля на тягло (считая в семье трех-четырёх человек мужского пола). Оброк этот можно назвать средним. Но у Татищева предполагается гораздо более высокий уровень крестьянского дохода, чем это обычно имело место в действительности. А он требует, чтобы помещики обязательно добивались этого уровня.

Татищев осуждает тех помещиков, которые следят лишь за обработкой барской земли и оставляют на собственное усмотрение крестьянское хозяйство. Он исходит из того, что помещик лучше разбирается в хозяйственных вопросах и знаком с передовым опытом. После выполнения помещичьих работ надо «принуждать крестьян» делать свою, потому что крестьяне «от лености в великую нищету приходят, а после приносят на судьбу жалобу». Неисправных «ленивцев» Татищев предлагает отдавать [307] в батраки зажиточным хозяевам, которые и должны выплачивать за них полагающиеся подати. В батраках «ленивец» должен обретаться до тех пор, пока не «заслужит хорошую похвалу» (очевидно, в глазах помещика).

Предлагаемая Татищевым продолжительность рабочего дня в страдную пору недавно была обычной в деревне. Так, например, косцы в Подмосковье начинали работу в три часа утра и заканчивали ее в двадцать два часа вечером (с перерывами на завтрак и обед). А Татищев советовал в летнее время основные работы выполнять в период с шестнадцати часов пополудни до десяти часов утра, то есть в ночное время. «А в сие жаркое время, — наставлял Татищев, — отнюдь не работать, ибо как людям, так и лошадям оное весьма вредно».

В задачу помещика входило и упрочение деревенского общежития. «Под жестоким наказанием» запрещалось устраивать драки и разжигать вражду. Предписывается «жить всем согласно и единодушно без всякой зависти во всяком дружелюбии, одному другому во всем вспомоществовать». В интересах общины односельчанам не следует заводить между собой кумовства, дабы можно было жениться внутри села. Этими же соображениями вызвано и требование, чтобы крестьяне излишек своих продуктов не продавали «кроме своей деревни». И лишь если никто не захочет его покупать, можно вывозить на продажу за пределы деревни. Община в данном случае выступает в своем обычном для этого времени качестве: поддерживает слабого, но сдерживает свободу предпринимательства.

Завершение всех уборочных работ Татищев предлагает отмечать совместными празднествами всей деревни. Помещик должен, «выбрав свободный день и собрав, всех напоить и накормить из боярского кошту». Из «боярского» же «кошту» в деревне должны быть построены две богадельни, чтобы «крестьян старых и хворых мужеска и женска полу по миру не пущать».

Для бездомных Татищев советует строить дома. Затраты помещик может потом возместить, взимая ежегодно по рублю. Вообще строительные работы занимают важное место в его советах, а потому уделяется особое внимание созданию кирпичных заводов. В деревне, помимо богаделен, должны быть построены тюрьмы для «винных», бани и школы.

Как и все остальное, учение осуществляется с помощью принуждения. Вводится своеобразный всеобуч. Все дети мужского и женского пола в возрасте от пяти до десяти лет должны учиться читать и писать, «чрез что оные придут в познание закона». С десяти до пятнадцати лет детей надлежало обучать разным «художествам», то есть всевозможным ремеслам, «дабы ни один без рукоделья не был, а особливо зимой оные могут без тяжкой работы получить свои интересы». Зимой помещик «ревизует художников, что кто сделал для своей продажи и не были ль праздны; понеже от праздности крестьяне не токмо в болезнь приходят, но и вовсе умирают, спят довольно, едят многу, а не имеют муциону».

В Записке весьма отчетливо проступает живой Татищев. Он не терпит даже минутного безделья ни у себя, ни у своих подчиненных, ни у крестьян. Труд — самое большое достояние, выше всего ценимое Татищевым. И это достояние утрачивалось его современниками из господствующего класса, а отчасти и трудовыми слоями, отчаявшимися трудом улучшить свое положение.

В предложениях Татищева просматривается и то сочетание двух разных хозяйственных систем, которое будет распространяться в эпоху кризиса

крепостнических отношений: помещик находится как бы в двойственных отношениях с крестьянином. Он выступает то в качестве владельца крепостных, то в качестве соучастника по коммерческой деятельности. Безусловно, что, если бы русские помещики приняли предложения Татищева, рост буржуазных отношений в деревне быстро пошел бы вперед. Но это были лишь пожелания. В них не было ничего, что могло бы заставить помещика идти в этом направлении. Предписывая насильственные меры в отношении крестьянства (хотя бы и для подъема их же хозяйства), Татищев, конечно, не мог предлагать принудительных мер в отношении помещиков. Это уже вряд ли в силах было сделать и правительство, если бы вдруг у него (что совершенно невероятно) появилось такое желание.

В Записке Татищев выразил свое отношение главным образом к организационной стороне дела. Она не отражала всего круга его воззрений по крестьянскому вопросу. В ней не было многого из того, что Татищев высказывал ранее. И он вернется еще к этому вопросу в более общей постановке в период своего болдинского заточения.